

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

На правах рукописи

Летучий Александр Борисович

**КОНСТРУКЦИИ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ В
РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА, СИНТАКСИС, СОЧЕТАЕМОСТЬ**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2020

Работа выполнена в Школе лингвистики федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Публикации

По теме диссертации опубликовано 15 статей в журналах, входящих в базы цитирования WoS / Scopus или список НИУ ВШЭ.

1. Letuchiy A. On tense and irrealis marking in tricausal constructions (and what distinguishes them from biclausal constructions) // *Linguistics*. 2018. Vol. 56 (1) Pp. 163-206.
2. Летучий А.Б. Падеж ниоткуда (неструктурное копирование падежа) // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*. 2019. Вып. XXII. №4. С. 230-250.
3. Летучий А.Б. Странное «согласование времён» в русском языке // *Русский язык в научном освещении*. №1 (19). С. 210-221. 2010.
4. Летучий А.Б., Подъём и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале интерпретации местоимений)/ Летучий А.Б., Виклова А.В. // *Вопросы языкознания*. 2020. №2. С. 31-60.
5. Летучий А.Б. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // *Вопросы языкознания*. 2012. №5. С. 57-87.
6. Летучий А.Б. Предикатив или прилагательное? Русские конструкции с полувспомогательными глаголами и прилагательными (типа Я считаю нужным участвовать) // *Вопросы языкознания*. 2018. №2. С. 7-28
7. Letuchiy A. 'Tensed' and 'Non-Tensed' Predicatives in Russian // *Komp'juternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*. 2017. Vol. 23. No. 16. P. 249-260.
8. Летучий А. Б. Глаголы с фиксированным порядком дополнений в русском языке и свойства сентенциальных актантов // *Русский язык в научном освещении*. 2018. № 2 (36) С. 180-198.
9. Летучий А.Б. Модификатор "сам по себе" и синтаксическая структура сентенциальных актантов // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. Том XII. вып. 1. С. 548-573. 2016.
10. Летучий А.Б. Всё об одном: об одной конструкции с сентенциальными актантами в русском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. Том XII. вып. 1. С.113-123. 2016.
11. Летучий А.Б. Модели управления сентенциальными актантами в русском языке: центр и периферия // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*. Т. 10. С. 172-201. 2016.
12. Letuchiy A. Russian zero copulas and lexical verbs: Similar or different? // *Lingue e linguaggio*. 2015. XIV.2: P. 233–249.
13. Letuchiy A. Historical development of labile verbs in modern Russian// *Linguistics*. 2015. Vol. 53. No 3. P. 611-647.

14. Летучий А.Б. Три случая промежуточной переходности глаголов и типология переходности // *Acta linguistica petropolitana*. Труды Труды института лингвистических исследований. 2010. Т. VI, Ч. 3. С. 101–108.

15. Летучий А.Б. Сентенциальные актанты: актанты или нет? // *Acta linguistica petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. Т. VII, Ч. 3. 2011. С. 346–353.

Апробация работы

Достиженные в работе результаты обсуждались на следующих международных конференциях и исследовательских семинарах, в том числе:

- Complementation and modality conference in Mainz (2012)
- Diversity Linguistics: Retrospect and Prospect (2015)
- Formal Aspects of Slavic Linguistics (2020)
- Seminar of the linguistic department at the Hebrew University of Jerusalem (2018)
- Societas Linguistica Europaea conferences (2015, 2018)
- Syntax of the World's languages (2012)
- Slavic Linguistic Society conferences (2011, 2019)
- The Russian Verb (2010)
- Workshop on Replicative processes in Grammar (2015)
- Международная конференция по компьютерной лингвистике «Диалог» (2011, 2017)
- Типология морфосинтаксических параметров (2014, 2018)

Новизна работы обусловлена тем, что всестороннее исследование сентенциальных актантов (ниже также СА) одного языка предпринимается крайне редко. Как правило, акцент делается на стратегиях выражения сентенциальных актантов и их распределении или на свойствах сентенциальных актантов по сравнению с именными. Для русского языка второй аспект исследован слабо. В частности, мы предполагаем осветить поведение сентенциальных актантов с синтаксическими механизмами, которые для них практически не исследованы: прономинализацией; плавающими определителями; императивами. Ещё одним пунктом, задающим новизну работы, является внимание к неструктурным характеристикам КСА и их взаимодействию в этом отношении с именными актантами.

Во **Введении** излагаются основные проблемы изучения сентенциальных актантов. Основная проблема, связанная с СА, заключается в том, что они по своей природе неизбежно находятся на стыке именной и глагольной морфологии, именного и глагольного синтаксиса и, шире, именных и глагольных областей грамматики.

С одной стороны, сентенциальные актанты выступают в позиции, типичной для имён. Аргументная позиция – это главный синтаксический контекст встречаемости именных групп. В языках с развитым зависимостным маркированием, к которым относится и русский, именно у имён / именных групп развивается категория падежа, характеризующая синтаксическую позицию группы относительно вершины.

С другой стороны, сентенциальные актанты маркируют именно ситуации, то есть их референт типичен для глаголов / предикатных составляющих. Есть случаи, когда участником некоторой ситуации является не предметный референт, а другая ситуация. Например, помыть можно только некоторый предмет (чашку), а вот бояться можно не только объекта (зверя), но и ситуации (что звери придут из леса). В этой ситуации язык

должен определить, как одновременно удовлетворить семантические требования и решить проблему нестандартного синтаксического соотношения вершины и зависимого.

Подходы, в рамках которых решаются эти проблемы (равно как и вообще проблема классификации сложных предложений) чрезвычайно многообразны. В формальной лингвистике главное внимание уделяется различиям между синтаксическим поведением сентенциальных актантов и других, обстоятельственных и относительных, придаточных. В частности, именно здесь замечено, что из подчинённой клаузы сентенциальных актантов возможен вынос аргумента (Сколько ты хочешь, чтобы тебе заплатили, см. Тестелец 2001). В рамках этого же подхода фиксируются особые островные свойства конструкций с сентенциальным актантом имени, из которого, как правило, вынос невозможен (см., однако, Лютикова 2010¹ о существующих исключениях).

Особым подразделом формальной лингвистики является исследование конструкций с инфинитивами и другими нефинитными формами. В частности, именно на материале

В рамках функциональных и дескриптивно-типологических исследований фокус часто переносится на различия между именными и сентенциальными обстоятельствами или, соответственно, именными и сентенциальными актантами (см., например, Пекелис 2017 и, в более формальной перспективе, Князев 2018²). Это другое измерение проблемы – и вполне логично, что оно наиболее сильно представлено именно в функциональных исследованиях: ведь противопоставление между именными и сентенциальными зависимыми связано с такими их характеристиками, как длина и синтаксическая сложность, которые довольно плохо поддаются описанию в рамках чисто структурных подходов.

Эта область исследований берёт своё начало с работ Дж. Хокинза (1990, 1991, 1994³). Здесь также можно упомянуть работы У. Дэвиса и С. Дубински (2009), выполненные во многом в формальной парадигме, однако учитывающие неструктурные признаки.

Другая, функциональная, линия исследования представлена Т. Гивоном (1985)⁴. Его лингвистические исследования ставят проблемы функционального исследования более широко: в частности, для нынешней лингвистики невозможно игнорировать постулат Гивона об иконичности – о том, что большая или меньшая формальная связанность языковых единиц отражает их большую или меньшую семантическую связанность. Несомненно, этот постулат в его общем (и довольно расплывчатом) виде даёт почву для многих спекуляций (оказывается, что при надлежащем желании довольно легко усмотреть иконизм более или менее в любом типе языковой структуры). Однако в не слишком радикальном виде идея о том, что даже в ситуации вариативности выбор стратегии кодирования связи между клаузами не случаен, а отражает степень автономности каждой

¹ Лютикова Е.А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010. № 6. С. 36–76.

² Князев М.Ю. Об ограничении на сентенциальный актанта с союзом что при деагентивных употреблениях глаголов речи. Вопросы языкознания 2018, №3. 7-39.

³ Hawkins John A. 1990. A parsing theory of word order universals. *Linguistic inquiry*, 21(2).

Hawkins, John A. 1994. *A performance theory of order and constituency*. Cambridge: CUP.

Hawkins, John A. 1991. Syntactic weight versus information structure in word order variation. *Linguistische Berichte. Special issue on Information Structure and Grammar*.

⁴ Givón T. 1985. *Iconicity in syntax* [Typological studies in language 6]. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

из клауз и выделения каждой из них отражается в более современных и, так сказать, точных исследованиях, таких как Boye 2012, Kirianov, Tagabileva 2014, Пекелис 2015, 2018⁵ и др.

Ещё одна распространённая линия исследования, получившая развитие в дескриптивных работах по отдельным языкам и в лингвистической типологии, - это исчисление возможных семантических типов обстоятельств и актантов. Исследования этого ряда имеют разную степень общности и охвата: с одной стороны, К. Бойе (2012) исследует сентенциальные актанты в самой общей перспективе эпистемической модальности – в сферу его рассмотрения попадает большое количество разных конструкций с сентенциальными актантами. С другой стороны, локальное исследование [Dobrushina 2020]⁶ посвящено именно глаголам страха и обнаруживает необычные модели присоединения к ним сентенциальным актантам.

Наконец, нельзя не упомянуть о ещё одной, сравнительно новой, линии исследований. Это квантитативные исследования синтаксиса. Хотя во многих функциональных и дескриптивно-типологических исследованиях типа упоминавшихся выше работ Пекелис и Кирьянова и Тагабилевой есть квантитативный элемент, в некоторых случаях он выходит на первое место. В работе К. Шмидтке-Бодде и Х. Дисселя (2017)⁷ используется квантитативный подход к лингвистической типологии, показывающий, какой порядок слов является преобладающим для отдельных конструкций с сентенциальными субъектами и типологически. Однако ещё сильнее квантитативный подход проявился в диссертации Дагмары Дивьяк (2010)⁸. С помощью количественного анализа встречаемости матричных предикатов и конструкций с сентенциальными актантами выявляет классы близких предикатов и причины различий между ними. Недостаток подхода заключается в не слишком подробном анализе синтаксического поведения конструкций, однако у него есть и достоинство: он позволяет выявить истоки противопоставления между стратегиями, лежащие часто в статистических различиях между единицами языка.

Есть языки, которые решают проблему в пользу синтаксиса: основным типом выражения зависимых ситуаций в них является номинализация. Однако русский не принадлежит к таким языкам. Здесь основные сентенциальные зависимые (финитные и инфинитивные предикации) имеют, в первую очередь, глагольные свойства. Создаётся неканоническая синтаксическая конструкция (аргументом является клауза, а не ИГ), однако этой ценой выражаются семантические компоненты, типичные для ситуаций: могут быть эксплицитно обозначены все их участники, есть широкий простор выражения видовременных характеристик. Номинализации в языках такого типа, в том числе и в русском, тоже

⁵ Boye ; Kasper. 2012. Epistemic Meaning. A Crosslinguistic and Functional-Cognitive Study [Empirical Approaches to Language Typology 43]. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012.

Kirianov, Denis, and Tagabileva, Maria. 2014. Complementation strategies of Russian verbs of request. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 17/LNG/2014.

https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2548465.

Пекелис О.В. Сочинение и подчинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2015.

Pekelis Olga E. 2018. Expletives, referential pronouns and pro-drop: The Russian extraposition pronoun "èto" in light of the English "it" and the German "es". *Lingua* 203. Pp. 66—101.

⁶ Dobrushina N. Negation in the complement clauses of fear-verbs. *Functions of Language*. 2020.

⁷ Schmidtke-Bode, Karsten & Holger Diessel. 2017. Cross-linguistic patterns in the structure, function, and position of (object) complement clauses. *Linguistics* 55(1): 1–38.

⁸ Divjak, Dagmar. 2010: Structuring the Lexicon: A Clustered Model for Near-Synonymy. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

встречаются, однако они существенно отличаются по свойствам от финитных и инфинитивных зависимых и употребляются ограниченно.

Кроме того, во **Введении** рассматриваются критерии отделения сентенциальных актантов от прочих типов придаточных.

1) Вынос вопросительного или относительного местоимения из зависимой клаузы. Хотя и обстоятельственные, и актантные придаточные с трудом допускают вынос, то есть обнаруживают островные свойства, для актантных придаточных островные ограничения явно мягче (см. Ross 1967, Тестелец 2001⁹).

— *Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала?* [Маша Трауб. Плохая мать (2010)]

Что ты любишь, когда она готовит (Сердобольская 2011)¹⁰.

Тем не менее, критерий выноса работает скорее в одну сторону. Возможность выноса скорее всего говорит об актантном статусе придаточного, однако его невозможность однозначно не свидетельствует о сирконстантном статусе.

2) Временное маркирование.

Именно в актантных придаточных основным вариантом (хотя и не единственным, см. Khomitsevich 2007) является относительное маркирование времени (см. подробнее о факторах выбора времени в главе 1). В сентенциальных сирконстантах дефолтным вариантом является употребление абсолютного времени, хотя встречаются исключения, например, при нереферентной (генерической или повторяющейся) ситуации: так, в предложении *Эта рыба помнит в лицо человека, который её поймал* словоформа *поймал* выражает не предшествование моменту речи, а предшествование главной ситуации *помнит*.

3) Замена главной клаузы на местоимение *это*

О.Е. Пекелис (2014) предложила в качестве теста на статус придаточного возможность замены на местоимение *это*. Такая замена возможна для сентенциальных сирконстантов и определений, но невозможна для актантов:

Нина есть, у нее муж сильно пьет, а трезвый он хороший. — *Это которая с нашим сверхсрочником пошла?* [И. Меттер. На коммутаторе (1979)]

И это после того, как ему вменялось в вину создание совместных предприятий с американскими товарищами, где прокачивались наши государственные деньги в суммах с шестью нулями... [Оборотни первой волны (2003) // «Завтра», 2003.08.06]

*- *Петя тогда сказал нечто неприличное.* — *Это что Вася спит с женой Вовы?*

Впрочем, ситуацию осложняют примеры, где главное предложение при придаточном *что* заменяется на *это*. Впрочем, семантическое соотношение между главным и зависимым здесь находится между стандартным актантным и причинным:

⁹ Ross, John R. 1967. Constraints on variables in syntax. (Doctoral dissertation, Massachusetts Institute of Technology).

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

¹⁰ Сердобольская Н.В. 2011. К типологии выражения генерического события в конструкциях с сентенциальными актантами. Хэндаут доклада на 8-й международной конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург.

— *И чего это вы, Рита Петровна, про убытки начали? Это что я у вас кофе пью? Так я не навязывалась, сами звали.* [И. Грекова. «Скрипка Ротшильда» (1980)]

— *Говори, сколько тебе дать, чтобы ты навсегда уехал из России? — Да что я, дурак, что ли? Это чтобы я сказал и России, и тебе: «Счастливо оставаться», а сам поехал бы бродить вдали от Родины.* [Н. Э. Гейнце. Самозванец (1898)]

4) Опускание объекта в зависимой клаузе

В обстоятельственных придаточных опускание объекта допускается свободнее, чем в актантных (а среди актантных хуже всего его допускают инфинитивные зависимые):

Ты бы его обидел, если бы не позвал на свадьбу.

Ты предупредишь Васю, когда будешь встречать завтра в аэропорту.

?Начальник предупредил меня, что сделает секретарём. (впрочем, некоторые примеры такого рода возможны, например, *Начальник обещал мне, что возьмёт с собой на свадьбу*).

**Начальник обещал мне назначить секретарём.*

5) Тип гнездования

Хотя возможность гнездования (помещения зависимой клаузы между материалом главной) считается признаком подчинительных конструкций в целом, тест действует по-разному для синтаксических актантов и сирконстантов. Синтаксические сирконстанты способны занимать широкий набор позиций внутри главной клаузы, в том числе позицию после первого слова предложения:

Вася, когда ему позвонили, был уже в поезде.

Мой дядя, если ты его об этом спросишь, может рассказать много интересного.

При этом сомнительны как порядки, где синтаксический актант занимает позицию до актанта главной клаузы, так и до адьюнкта. То есть такое расположение блокирует не адьюнктивный статус или семантическая факультативность синтаксического сирконстанта. Скорее СС просто слишком слабо интегрирован в структуру главной клаузы и не может располагаться между главным глаголом и его зависимым.

Напротив, синтаксический актант обычно не может занимать позицию после первого слова:

??Вася, ехать ли ему туда, не знал.

Это расположение сомнительно даже в тех случаях, когда начальное расположение нормально для синтаксического актанта. Случай выше (косвенный вопрос с *ли*) относится именно к таким:

Ехать ли ему туда, Вася не знал.

При этом оказывается, что некоторые формальные типы придаточных способны занимать и актантную, и обстоятельственную позицию без изменения семантики. Это относится к придаточным цели с *чтобы*, придаточным основания с *за то, что* и, возможно, к некоторым другим.

Глава 1 кратко излагает критерии выделения у сентенциальных актантов синтаксической роли. Хотя в отсутствие падежа дифференциация по ролям затруднена, оказывается, что некоторые критерии синтаксической роли (позиции) всё же выделяются.

Подлежащее (S) отличается от прочих СА тем, что не склонно выноситься в позицию топики вместе с матричным глаголом. Если же это происходит, оно интонируется вместе с матричным глаголом, как если бы становилось частью глагольной группы.

Прямое дополнение (DO) способно продвигаться в позицию подлежащего при пассиве, хотя этот процесс значительно более ограничен, чем при именном дополнении.

Непрямое дополнение (IO) отличается от предыдущих двух статусов тем, что менее склонно помещаться в абсолютном начале предложения, до матричного предиката (конструкции типа *Что Серёжа приехал, никто не удивился* оцениваются хуже, чем конструкции с вынесенным подлежащим вида *Что Серёжа приехал, никого не удивило* или прямым дополнением, как в *Что Серёжа приехал, мы уже знали*).

Наконец, особо выделяется позиция актанта при связке. В этой позиции сентенциальные актанты ведут себя иначе, чем именные. Например, благодаря отсутствию падежа у сентенциального актанта, второй, именной актант при связке может быть в номинативе – даже в тех случаях, когда это недопустимо в конструкции с двумя именными актантами (ср. конструкции с существительными общей семантики типа *долг, задача: Моя задача была следить за передвижениями людей - *Моя задача была контроль за людьми*).

В **главе 2** мы обсуждаем сравнительно частную проблему – маркирование времени и временную отнесённость в конструкциях с сентенциальными актантами. Время – это категория, чрезвычайно важная для описания сложных предложений: несмотря на то, что изначально она является семантической, тип маркирования времени служит одним из основных критериев описания конструкции как содержащей сентенциальный актант или обстоятельственное ридаточное. Хотя интерпретация времени в придаточных изучалась сравнительно много, в этой зоне остаётся немало «белых пятен». На сегодняшний день замечено, что в СА допускаются и относительное, и абсолютное маркирование времени – согласно Barentsen 1996, главной является относительная стратегия, однако и абсолютная допустима (она подробно обсуждается в работе О. Хомицевич (2007)¹¹.

Как было сказано выше, мы рассматриваем временное маркирование как один из критериев различения сентенциальных актантов vs. сирконстантов и определений. Однако относительное маркирование возможно при СА в разной мере.

Более того, в некоторых специальных случаях возможен и обратный сдвиг, когда в сентенциальных актантах и сирконстантах наблюдается относительное маркирование. Первый из них связан с хабитуальностью. В случаях типа *Эта рыба укусит любого, кто её поймал* в сентенциальном определении, несомненно, время интерпретируется относительно (= ‘поймал до того, как она его укусит’). Абсолютное маркирование требовало бы конструкции *Эта рыба укусит любого, кто её ловит* (всегда, вокруг акта речи), однако этот

¹¹ Barentsen, Adrian. 1995. Shifting points of orientation in Modern Russian. Tense selection in ‘reported perception’. In Theo Janssen & Wim van der Wurff (eds.), *Reported speech: form and functions of the verb*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. 15-55.

Khomitsevic, Olga. 2007. Dependencies across phases: From sequence of tense to restrictions on movement. Utrecht: LOT Publications, 171.

вариант затруднён в силу того, что ситуация является хабитуальной и не привязана к конкретной точке до, после или в момент речи.

Точно так же относительное маркирование предпочитается абсолютному, когда речь идёт об ирреальной ситуации. В случаях типа *Петя попросил каждого студента укусить человека, который сидит с ним рядом* в третьей клаузе форма *сидит*, несомненно, маркирует одновременность ситуации матричной (*укусить* или *попросил*), но все они предшествуют речевому акту.

Ещё один необычный контекст для выбора временного маркирования – настоящее историческое. Априори неясно, будет ли при «переключении» главной клаузы из прошедшего в настоящее историческое переключаться также время в придаточных или нет. В некоторых случаях возможны оба варианта (*Серёжу арестовывают после того, как он украл / крадёт бублик из магазина*), иногда – только переключение (*Серёжу арестовывают, когда он крадёт / *украл бублик из магазина*), иногда – только его отсутствие (*Серёжу обвиняют в том, что он украл / *крадёт бублик из магазина*).

В то же время интересна и другая сторона проблемы – возможности маркирования и интерпретации времени в главной клаузе. В частности, оказывается, что разные матричные предикаты могут по-разному задавать локализацию подчинённого события. Сравним предикаты *удивлять* и *радовать*:

Меня радовало, что Петя придет.

?*Меня удивляло, что Петя не придет.*

??*Меня раздражало, что Петя не придет.*

Для предикатов положительной или отрицательной эмоции расположение зависимого события в будущем гораздо менее характерно, чем для предикатов удивления и тем более – глагола *раздражать*. Исходно не совсем понятно, в чём причина этого различия: ведь теоретически и радость, и удивление могли бы возникать тому факту, что Экспериментер узнал о некоторых будущих событиях. По-видимому, разница связана с различием в природе радости и удивления. Радость связана просто с оценкой события как хорошего или плохого.

Особым образом ведёт себя время в подчинённой клаузе в том случае, если главный предикат не является глаголом. Отличие глагольных предикатов от неглагольных (предикативов, конструкций типа *дурак он (что упустил такую возможность)* и т.д.) состоит в том, что финитные глагольные формы всегда маркированы по времени – даже в том случае, если это время выражает не буквально локализацию события на временной оси, а скорее таксисные значения. Напротив, неглагольные предикаты в настоящем времени не несут эксплицитного временного маркера – и неочевидно, стоит ли усматривать в конструкциях типа *хорошо, что ты пришёл* хотя бы какой-нибудь показатель времени.

Отметим, что в работах, посвящённых маркированию времени, недооценён ещё один фактор – аспектуальный тип каждой из ситуаций. Мы рассматриваем 9 возможных аспектуальных типов:

1. точечное событие в главной клаузе, точечное событие в зависимой
2. точечное событие в главной клаузе, продолжительное событие в зависимой
3. точечное событие в главной клаузе, повторяемое событие в зависимой
4. продолжительное событие в главной клаузе, точечное событие в зависимой

5. продолжительное событие в главной клаузе, продолжительное событие в зависимой
6. продолжительное событие в главной клаузе, повторяемое событие в зависимой
7. повторяемое событие в главной клаузе, точечное событие в зависимой
8. повторяемое событие в главной клаузе, продолжительное событие в зависимой
9. повторяемое событие в главной клаузе, повторяемое событие в зависимой

Хотя детальное изучение каждого из типов требовало бы отдельной работы очень большого объёма, можно сделать хотя бы вывод о релевантности аспектуального типа. Так, тип 2 и тип 5 по-разному ведут себя относительно маркирования времени, даже если собственно таксисное соотношение событий одинаково. В типе 2 при одновременности (в данном случае – попадании главного события внутрь подчинённого) крайне сомнительны предложения с абсолютным временем (предложения типа *Он понял, что вёл себя неправильно* вряд ли можно трактовать в значении ‘Он понял, что ведёт себя неправильно в момент, когда понял, а также до и после него’). Напротив, в типе 5 абсолютное время нормально (*Он понимал, что вёл себя неправильно* может означать, что он вёл себя неправильно и параллельно этому понимал неправильность своего поведения).

В **главе 3** рассматриваются русские стратегии присоединения сентенциальных актантов. Основная синтаксическая граница проходит по финитности (финитные vs. инфинитивные актанты) и по наличию / отсутствию лексического маркера подчинения (союза). Другое основание классификации – семантика, связанная с ирреальностью (в таких случаях главными показателями являются *чтобы* и инфинитив) vs. не связанная с ней (здесь основным показателем является *что*).

Особой проблемой, связанной с **инфинитивными** конструкциями, является вопрос о наличии в русском языке подъёма (raising). Русский не относится к языкам, где стандартно постулируется подъём (для английского это делается всегда, ср. случаи subject-to-object raising типа *I believe Mary to be smart* и subject-to-subject raising вида *Mary seems to be smart*). Это связано с тем, что в русском нет случаев, когда путём подъёма создавалась бы новая позиция синтаксического аргумента (прямого объекта, как в конструкции *I believe Mary to be smart*), которой нет в структуре без подъёма. Тем не менее, оказывается, что в некоторых конструкциях единицы, требующие лицензирующего оператора (отрицательные местоимения, неопределённые местоимения на *-нибудь*), находясь в главной клаузе, лицензируются отрицанием из подчинённой. Это наводит на мысль, что они подверглись подъёму из подчинённой клаузы.

Большинство конструкций, напоминающих конструкции подъёма, содержат дативный аргумент: это конструкции с предикативами (*Тебе лучше туда не ходить*), с речеактивными каузативными глаголами (*Он приказал никому не спускаться*), однако есть и случаи, когда подъём надо подозревать у номинативных аргументов (*Никто из нас оказался не нужен; Об этом мог никто не узнать*). Ключевым критерием подъёма в русском языке можно считать нестандартную интерпретацию неопределённых и в особенности отрицательных местоимений: она имеет место, когда лицензирующее эти местоимения отрицание находится ниже него (ср. *Никто из нас оказался не нужен*, где отрицание *не* в конструкции с кратким прилагательным, а местоимение *никто* является подлежащим при главном глаголе *оказаться*). Следует подозревать, что таким образом, кроме полувспомогательных глаголов *стать* или *оказаться* себя могут вести некоторые модальные глаголы (*Об этом мог никто не узнать*) и предикативы (*Хорошо бы никому туда не ходить*).

Два из способов маркирования СА – инфинитив и союз *чтобы*, – согласно Avrutin & Babyonyshev 1997, демонстрируют в той или иной мере строгое синтаксическое

распределение. Как правило, глаголы, сочетающиеся со *чтобы* при несовпадении субъектов двух клауз, требуют или допускают инфинитива при их совпадении. Для глаголов субъектного контроля типа *хотеть* замена на инфинитив в конструкциях контроля практически обязательна, а для глаголов объектного контроля – возможна:

Я хочу пойти / ??чтобы я пошёл гулять.

Генерал приказал солдатам копать / чтобы они копали траншеи.

Причина такой асимметрии между конструкциями контроля не вполне ясна. Если использовать функциональное объяснение, следует заметить, что в конструкциях субъектного контроля степень слитности клауз выше, чем при объектном: в частности, с большим трудом допускается отрицание в подчинённой клаузе. Д. Песецки (1992) и А. Герасимова (2015) показывают, что некоторые аспекты поведения конструкций объектного контроля выявляют больший синтаксический объём подчинённой клаузы, чем при субъектном контроле. С другой стороны, можно использовать объяснение, связанное с семантическими ролями. В конструкциях субъектного контроля при кореферентности субъектов один участник совмещает в себе субъекта сознания (Экспериментера, Субъекта оценки и т.д.) и Агенса, который будет совершать действия, указанные в подчинённой клаузе. Неудивительно, что это совпадение маркируется инфинитивом. Напротив, при объектном контроле роль Агенса принадлежит тому участнику, который подвергается каузации. Конструкция без инфинитива может быть использована, если маркируется несовпадение активных участников одной и другой клаузы – в этом случае несовпадение ролей важнее, чем кореферентность.

Тем не менее, связь между инфинитивом и *чтобы* – не жёсткая. С одной стороны, как указывает Н.Р. Добрушина (2016), есть глаголы, совмещающие в себе эпистемический и модальный компонент (*надеяться, планировать, рассчитывать, бояться* и др.), которые сочетаются со *что* или с инфинитивом, но не со *чтобы*.

Н.Р. Добрушина связывает особое поведение данной группы лексем с эпистемическим компонентом. В этом смысле можно сказать, что условия употребления *чтобы* и инфинитива различаются. Инфинитив употребляется, когда эпистемический статус события ещё неясен, оно может и не иметь места. В этом смысле глаголы типа *надеяться* соответствуют правилам употребления инфинитива. Союз же *чтобы* используется, если подчинённое событие является целью Говорящего, во всяком случае, у него есть определённое положительное или отрицательное отношение к событию, которое и формирует ассерцию глагола. Это неверно для глаголов типа *надеяться*: их ассерция – это эпистемический компонент. Это видно, в частности, из того, что отрицание *надеяться* или *рассчитывать* означает, что субъект не считает событие вероятным (эпистемический компонент), а не то, что субъект не хочет его наступления (модальный компонент):

Серёжа уже не надеялся выиграть (= ‘думал, что не выиграт’).

Другая причина употребления *что* при глаголах типа *надеяться*, не упоминаемая Н.Р. Добрушиной, – это требование локализации события во времени. Временное соотношение при *надеяться* или *бояться* устроено иначе, чем, например, при *хотеть* или *просить*. *Хотеть* всегда предполагает расположение подчинённого события после главного. Именно поэтому невозможно предложение ниже:

**Я хочу, чтобы Петя вчера доехал без приключений.*

(примеры типа *Я хотел бы, чтобы я никогда не родился на свет* принадлежат к другому типу, так как имеют контрфактивную семантику).

Причиной является не расхождение конструкции с денотативной семантикой *хотеть*, а ограничение на временную локализацию. *Чтобы* всегда употребляется с формой на -л или инфинитивом и не может маркировать расположение события во времени – а значит, по умолчанию, подчинённое событие всегда расположено одинаково, после главного. Напротив, глагол *надеяться* в этом контексте допустим:

Я надеюсь, что Петя вчера доехал без приключений.

Поскольку *надеяться* не налагает жёстких требований на локализацию события, нужно, чтобы его расположение маркировалось временем глагола. Поэтому и используется союз *что*, сочетающийся с любой формой изъявительного наклонения, в зависимости от семантики ситуации.

Отсюда следует и ещё одна гипотеза: поскольку инфинитив тоже не маркирован по времени, мы ожидаем, что употребление глаголов типа *надеяться* с инфинитивом будет допускать только один вариант временного соотношения событий. Эта гипотеза оказывается верной. Действительно, когда *надеяться* употребляется с инфинитивом при совпадении субъектов двух клауз, подчинённое событие должно следовать за главным, поэтому первое из предложений ниже аномально, в отличие от второго:

Я надеюсь, что не насажал вчера ошибок в контрольной.

**Я надеюсь не насажать вчера ошибок в контрольной.*

С другой стороны, есть глаголы, сочетающиеся со *чтобы*, но не допускающие или почти не допускающие инфинитива. Это глаголы *следить, добиваться, заслуживать* (ср. неграмматичные конструкции **Он следит не ошибиться, *Петя заслужил получить награду*). В этих случаях подчинённая ситуация, безусловно, является желательной, поэтому союз *чтобы* допустим. Причины же запреты инфинитива скорее статистические, чем семантические. Процент синтаксических актантов при данных трёх глаголах низок по сравнению с именными актантами (*следить за собакой, заслужил награду*).

Инфинитив – это самая экономная в плане языкового материала стратегия присоединения синтаксических актантов: она не задействует никакого союза (в отличие от стратегий со *что* или *чтобы*) и не требует никакой деривации для образования формы (в отличие от номинализации). В этом смысле можно считать, что инфинитив – это как бы предельная точка грамматикализации модели с синтаксическим актантом. Неудивительно, что для глаголов, редко употребляющихся с синтаксическими актантами, эта точка и не достигается – используются только модели с союзами.

Нужно сказать, что данные лексемы ещё и нарушают гипотезу Т. Гивона (1985) об иконичности связей между языковыми единицами: она предполагает, что большая степень семантической связности отображается в более тесной связи на формальном уровне. При глаголах *заслуживать, добиваться* при кореферентности субъектов используется конструкция с коррелятивом *то, чтобы*, а без кореферентности – просто союз *чтобы*:

Петя добивается, чтобы ему дали награду / того, чтобы получить награду.

Поскольку инфинитив при кореферентности для них недоступен, нестандартное ограничение обходится формально сложным способом. В то же время нет сомнений, что

семантически конфигурация с совпадающими субъектами – более внутренне связная, чем с несовпадающими (главная и подчинённая ситуация в первом и втором случаях имеют больше совпадающих компонентов, чем во втором).

При глаголах *заслуживать* и *стоит* также наблюдается нестандартная стратегия контроля нуля в зависимой клаузе. Объект зависимой клаузы может кодироваться нулём в случае, когда совпадает с субъектом главной клаузы:

Вряд ли этот вопрос стоит того, чтобы обсуждать так подробно.

Эта книга не заслуживает того, чтобы брать с собой на Венеру.

В прочих случаях (в том числе при финитных зависимых глаголах *заслуживать* и *стоит*) объектный нуль в зависимой клаузе может контролироваться только объектным нулём в главной. Корреляция с субъектом невозможна:

**Эта книга не заслуживает того, чтобы ты взял с собой на Венеру.*

**Пётр Иванович попросил соседа взять с собой на рыбалку (ср. приемлемое попросил соседа взять его с собой на рыбалку).*

Пётр Иванович обещал Васе, что скоро позовёт на День рождения.

Иначе говоря, при *заслуживать* и *стоит* объектный нуль ведёт себя как контролируемое PRO, тогда как при прочих глаголах – как эллипсис (при эллипсисе падеж обоих вхождений, как правило, совпадает). В этом смысле интересно, что контроль такого рода наблюдается именно при инфинитиве, где есть и стандартное, субъектное PRO (можно сказать, что имеет место контроль PRO в двух позициях).

Хотя союз **что** очень продуктивен и сочетается с разными типами глаголов, на его употребление существуют определённые ограничения. В частности, он сравнительно плохо сочетается с контекстами высокой тематичности: например, при глаголе *объяснить* в значении ‘предложить объяснение Y для X’ актант X обычно не может выражаться *что* без местоимения *то*:

Божович объяснил то, что сделал только одну замену, желанием, чтобы отыгрывались те же футболисты, что играли в первом тайме. (tula-football.ru › news)

**Божович объяснил что сделал только одну замену, желанием, чтобы отыгрывались те же футболисты, что играли в первом тайме.*

Это связано с тем, что объясняемый факт не только должен быть верен, но и обладает высокой тематичностью. В отличие от глагола *знать*, допускающего контексты, где зависимое является ремой (*Я знаю, что я прав!*), *объяснить* таких контекстов не допускает. Единственным возможным исключением являются контексты с вопросительными местоимениями. Зависимая клауза здесь может принадлежать к реме, и неудивительно, что *что* здесь становится возможно.

Мюллер вызывает Штирлица: — Штирлиц, как вы объясните, что отпечатки ваших пальцев найдены на заднице Евы Браун? — Я-то объясню. А вот как вы объясните то, как вы их там нашли. [Коллекция анекдотов: Штирлиц (1973-2000)]

Класс сентенциальных актантов, несущих компонент ирреальности ситуации, включает актанты с маркерами *чтобы*, *будто (бы)* и *как будто (бы)*, *как бы (не)*, *если*. При этом их конкретные свойства различны. Так, показатель *если* чаще всего употребляется при

фактивных предикатах, заменяя *что* в связи с тем, что вся ситуация в целом (не только её подчинённая часть) является ирреальной или не полностью реальна (*Меня бы удивило, если бы они выиграли*). Остальные же показатели выражают именно ирреальность главной ситуации.

Части из данных конструкций присуща **прозрачность** – приписывание ирреальных союзов даже при фактивных предикатах в случаях, когда главный глагол несёт показатель снятия утвердительности (*Как он мог доказать, будто Земля плоская*, где *доказать* – фактивный предикат).

Особняком стоят **бессоюзные** сентенциальные актанты (отметим, что Н.В. Сердобольская (2016, 2017, 2018) убедительно показывает, что конструкции с ними не составляют единого класса. В этой связи интересно, что ряд их свойств отличают их как от сочинительных, так и от подчинительных:

- 1) Эллипсис: субъект второй клаузы в БСА эллидируется хуже, чем в подчинённой клаузе конструкций с союзом и чем во втором конъюнкте сочинённой конструкции:

Вася думает, что ошибся.

Вася сначала ответил правильно, но потом ошибся.

**Вася думает, ошибся.*

- 2) Невозможность отрицания матричного глагола (см. Сердобольская 2018):

**Я не думаю, я ошибся.*

Видимо, дело в том, что между компонентами главной и подчинённой клауз при бессоюзном соединении действует правило максимальной иллокутивной силы.

Особую роль в системе СА играют сентенциальные актанты с местоимением *то*. С одной стороны, структура сочетания *то* с показателем сентенциального актанта неясна и не сводится к структуре относительной конструкции типа *то, что Петя принёс*. С другой стороны, по набору категорий вершина *то* является именной. Казалось бы, конструкции с *то, что* синтаксически должны вести себя как именные группы. Однако это не вполне так, и ряд критериев отличает их от стандартных ИГ:

А) невозможность множественного согласования с конъюнктами.

Б) невозможность контроля стандартных прономинатов ряда *он* (ср. **Я буду записывать то, что мы говорим – иначе оно просто будет утрачено*).

При этом одинаково себя ведут относительное *то, что* (в том числе с предметной референцией) и *то, что* как маркер сентенциального актанта. Другие зависимые с местоимениями (*тот факт, что; то обстоятельство, что*) демонстрируют более стандартное именование поведение (*Меня удивил тот факт, что Петя так себя повёл – он свидетельствует о его благородстве*). По-видимому, для синтаксического поведения существенны не только морфологические и частеречные свойства вершины, но и степень её грамматикализации. Вершина *то* не изменяется по числу и, тем самым, не является стандартной ИГ, а имеет свойства грамматикализованного элемента.

В) Свойство, отмеченное М.Ю. Князевым (2009)¹² – почти полная невозможность опущения предлога во втором из конъюнктов (**Я надеюсь на то, что мы не опоздаем, и то, что обсуждение пройдёт удачно*) – повторяется и в релятивных конструкциях с *то, что* (**Случилось это всё из-за того, что сказал Петя, и того, что сделал Вася*).

По всей вероятности, ключевым в поведении составляющих с *то* является не их актантный статус, а промежуточный статус вершины *то* (такой же статус она имеет и в релятивных придаточных) – хотя *то* является именной составляющей, она в большой мере грамматикализована (в отличие, например, от слова *тот* в конструкциях с *тот, что*, допускающего множественное согласование – *Мне не понравились тот, кто выступал первым, и тот, кто выступал последним*).

Ещё одна часть **Главы 3** посвящена ограничениям на присоединение сентенциальных актантов. Есть немало случаев, когда семантика и состав участников ситуации вроде бы допускают указание на ситуацию в качестве одного из участников ситуации. Однако этого не происходит, например, при глаголе *осуждать*, при пассивной форме *быть шокированным* или при глаголах изменения свойства типа *очищать* и *загрязнять*. Заметим, что чисто семантически все три примера ниже нормальны: например, загрязнение может возникать вследствие какой-то ситуации-Причины.

**Улицу загрязняет, что / когда мы выбрасываем сюда банки.*

?Я был шокирован, что со мной так поступили.

??Президент осуждает, что чиновники берут взятки.

Причины, по которым данные конструкции сомнительны, в разных случаях разные. При одних лексемах играет роль синтаксический фактор: сентенциальные актанты плохо сочетаются с ролью Причины при переходных глаголах. По-видимому, именно поэтому не присоединяют зависимую клаузу глаголы *загрязнять*, *очищать* и подобные им. У них может быть зависимая ситуация, но не выраженная клаузой: субъект с ролью Причины выражается только именными составляющими.

При других глаголах существенно, что основной акцент в их семантике находится не на зависимой ситуации, а на взаимодействии вещественных (например, одушевлённых) участников. Например, так обстоит дело с глаголом *осуждать*. Хотя он допускает конструкции типа *Все осуждали Васино поведение*, клауза при данном глаголе невозможна. Вероятно, дело в том, что изначально глагол *осуждать* / *осудить* обозначает оценку некоторого человека, а уже затем (метонимически) интерпретируется как оценка ситуации. В этом смысле производное употребление наследует свойства исходного. Примерно так же устроена модель управления глагола *хвалить* (возможно *похвалил его смелость*, однако невозможно *похвалил, что Вася такой смелый*).

Глаголы типа *осуждать* и *хвалить* допускают конструкцию, довольно необычную с точки зрения типологии сентенциальных актантов: это структуры типа *Я его осуждал, что он изменяет жене*. В этих случаях при глаголе выражается одновременно именной актант *его* и финитный СА с союзом *что*. Реже, но встречаются и сочетания с другими сентенциальными актантами – например, с как непосредственного восприятия: *Я его заснял – и как он твои яблоки ест, и как ворует*. При этом синтаксические тесты не выявляют

¹² Князев М.Ю. Предикатные актанты с местоимением *то* в русском языке: грамматический статус и особенности употребления. Дипломная работа. СПбГУ, 2009.

главенствующего положения какого-либо актанта: например, один из аргументов не может подвергаться вопросительному выносу при сохранении другого в прежней позиции (**Кого ты осуждал, что он изменяет жене?*). По-видимому, сентенциальный актант семантически поясняет структуру с именным актантом (например, за что субъект осуждал адресата). При этом сирконстантом сентенциальное зависимое здесь тоже не является: например, к ней не может задаваться вопрос с помощью причинного местоимения *почему*.

При этом глаголы, приведённые ниже, допускают структуры с именными свойствами (или хотя бы их подмножеством), реферирующие к ситуации, например, местоимение *это* (*Нельзя разбрасывать мусор, это загрязняет наш город*) или структуры с местоимением *то* (*Я осуждал то, что он изменяет жене*). Напротив, существуют глаголы, такие как *разбить*, которые невозможны ни с каким ситуативным аргументом, включая даже местоимения с именными свойствами, реферирующие к ситуациям (**То, что Петя уронил чашку, разбило её; *Вася уронил чашку, и это её разбило*). Хотя кажется очевидным, что при деструктивных предикатах каузатор обычно является вещественным (*Собака разбила чашку*), на самом деле вопрос не столь ясен. В самом деле, каузативные цепочки событий, приводящие к разрушению объекта, могут включать в себя ситуации - только обслуживаются такие случаи не переходными глаголами, а каузативными лексемами общей семантики (*Вася уронил чашку, и это привело к тому, что она разбилась*). Почему же даже местоимение *это* в этой позиции недопустимо? Видимо, причина в том, что переходные глаголы физического воздействия, в том числе разрушения, подпадают под ограничение на тип каузации: привести к разрушению чашки могут и события (ср. *Ветер разбил окно*, где *ветер* – это сущность, промежуточная между объектом и ситуацией), однако только при прямой каузации это называется *разбить*. В этом смысле проблема, казалось бы, лежащая за пределами нашей темы (семантика каузативных предикатов) оказывается прямо связанной с ней: в русском языке (и, возможно, в языках в целом) каузация события со стороны другого события осознаётся как непрямая. Более того, допустимы последовательности предложений типа *Вася уронил на пол чашку и разбил её* – здесь переходный глагол *разбил* даже устанавливает причинно-следственную связь между событиями ‘Вася уронил чашку’ и ‘чашка разбилась’. Иначе говоря, стандартная ситуация ‘Вася разбил чашку’ может быть расширена на биклаузальные контексты типа приведённого выше благодаря общности каузатора, однако расширить класс каузаторов на ситуации не представляется возможным.

Наконец, сентенциальные актанты невозможны в некоторых синтаксических позициях. Как правило, это периферийные позиции, то есть такие, которые занимают в структуре места ниже, чем субъектная и прямообъектная. К ним относятся:

- 1) Позиция стандарта при сравнении (допустима ИГ в генитиве, недопустим сентенциальный актант – *Конский спорт интереснее плавания, *Плывать интереснее нырять*, ср. возможное *Плывать интереснее, чем нырять*);
- 2) Позиция агентивного дополнения при пассиве (*?Я был шокирован, что со мной так поступили*);
- 3) Позиция генитивного актанта в именной группе (*??После выяснения, что виноват шофёр, дело было закрыто*).

Запреты на генитивный актант и агентивное дополнение требуют отдельных комментариев. Казалось бы, допустимы конструкции типа *открытие, что Земля круглая* или *я был удивлён, что со мной так поступили*. Однако, как мы покажем ниже, позицию сентенциального актанта здесь нельзя рассматривать как производную от позиции

сентенциального актанта исходного глагола (*Он открыл, что Земля круглая, Меня удивило, что со мной так поступили*). В частности, сентенциальные зависимые при именах по своим свойствам похожи скорее не на генитивный актант, а на модификатор. А зависимое при *был удивлён*, видимо, не имеет свойств агентивного зависимого (например, оно не может быть параллельным в вопросно-ответных парах местоимению в творительном падеже: ??- *Чем ты был удивлён? – Что со мной так поступили*).

Во всяком случае, ясно, что представление, будто с сентенциальными актантами сочетаются любые ситуации, в которых на правах участника участвует другая ситуация, неверно. На сочетаемость предиката с сентенциальными актантами влияет и набор других формальных и семантических факторов.

Глава 4 - одна из центральных для работы – осмысляет место сентенциальных актантов среди других типов глагольных зависимых. Хотя интуитивно исследователи ощущают близость между конструкциями типа *Мне нравятся яблоки* и *Мне нравится, что здесь продают хорошие яблоки*, критериев проверки актантного статуса и других синтаксических свойств СА крайне мало. Именно поэтому важно сопоставить свойства сентенциальных актантов с типичными свойствами именных. Рассматриваются отличия сентенциальных актантов от именных, продиктованные разными синтаксическими и морфологическими свойствами. Эти различия делятся на несколько групп.

Первая из групп – различия в поведении с маркерами синтаксической связности: плавающими определителями и анафорическими местоимениями. Для прономинализации сентенциальных актантов используется особая система местоимений: *это, так* и *такое*. При этом главным средством является местоимение *это*.

В большой системе употреблений этого маркера выделяется собственно анафорическое: оно выступает, например, в случаях типа *Я знаю, что Серёжа придет, и меня это очень радует*. Хотя, казалось бы, в этих употреблениях *это* очень близко к анафорическим единицам типа *он*, это впечатление неточно. По ряду свойств *это* находится ближе к демонстративам:

- 1) Может выступать в составе группы, возглавляемой антецедентом (*был замечен сбор подписей лицами, которым это запрещено*, ср. невозможное **был замечен сбор подписей лицами, которым он запрещён*).
- 2) Не может выступать дважды в близком контексте: *Петя не приехал. Это меня расстроило, потому что значило, что мы больше не друзья* (ср. *Он не мог купить билет на поезд, потому что слишком поздно этим занялся*). *Он меня расстроит, если не придет *Это меня расстроит, если случится*.

Как выясняется, употребление местоимения *это* зависит от нескольких факторов. Во-первых, оно легче сочетается с финитными антецедентами, чем с нефинитными (например, конструкция типа *я этого хочу* обычно отсылает к конструкции с союзом *чтобы*, а не с инфинитивом). Во-вторых, *это* тяготеет к обозначению тематичных событий: например, при глаголе *показаться это* употребляется в случаях, когда само впечатление (тот факт, что кому-то нечто показалось) уже введено в рассмотрение, а ремой является тот факт, что впечатление было ложным. Поэтому же *это* лучше употребляется в контекстах с отрицанием, чем в утвердительных конструкциях. В-третьих, в ряде случаев *это* более допустимо со свободными (не подчинёнными) антецедентами, чем с подчинёнными (например, предложение *Давно ты это решил?* Обычно имеет антецедент типа *Я уезжаю*).

Местоимение *так* имеет более ограниченную дистрибуцию. Оно употребляется, прежде всего, в ситуации выбора, когда зависимая клауза выражает одну из альтернатив. Именно поэтому *так* сочетается с глаголами мнения и речи, но не знания и доказательства (*Я так знаю, Я так доказал*).

Плавающие определители практически не бывают кореферентны сентенциальным актантам. Исключением является показатель *сам по себе*, способный модифицировать СА в позиции подлежащего (*Само по себе удивительно, что эта партия так долго держится на плаву*).

Другим, менее стандартным типом местоименных единиц являются «списочные» кванторы типа *одно*: они вводят некоторое перечисление, которое может состоять из одного или нескольких элементов. Поскольку в этой ситуации матричный глагол имеет именное зависимое, а СА от него отделён, становятся возможны сочетания, невозможные при непосредственном управлении глагола сентенциальным актантом (*Меня раздражало одно: видеть его каждый день*).

Разные местоимения в разной мере чувствительны к оппозиции именных и сентенциальных (или падежно-маркированных и не имеющих падежа) актантов. Судя по всему, большая чувствительность наблюдается при анафоре, чем при катафоре. Ср. допустимые катафорические конструкции типа *Меня одно раздражает – что нас опять обманули и сомнительное Я устал ездить на работу три часа и от других вещей*. При этом на контраст между именными и сентенциальными зависимыми накладывается различие между актантами с разным синтаксическим статусом: периферийные предложные актанты при глаголах типа *устать* в примере выше хуже отсылают к сентенциальным актантам, чем прямые дополнения (*Я умею летать и много чего ещё; Мне нравится плавать и много чего другого*).

Интенсификаторы типа *только* и *именно* хорошо сочетаются с инфинитивами (*Я хочу только поест*), однако с финитными актантами возникают проблемы (*?Он хочет, только чтобы его любили*). При этом, если такое сочетание всё-таки возникает, язык жертвует иконичностью выражения в пользу канонической структуры. В конструкциях типа *Он не знал, что происходит, знал только, что его планы не сбылись* семантический модификатор *только* относится к зависимой клаузе *что его планы не сбылись*, а вот синтаксически примыкает к главной (это отклонение от семантической структуры мы назвали **перевешиванием** плавающего определителя). На это указывает не только то, что глагол *знать* уже выражен в предтексте, но и его совместное интонирование с частицей *только*, без особого выделения. Однако сентенциальный актант является слишком «тяжёлым» (длинным и синтаксически сложным), а его вершина (союз) не совпадает со смысловым ядром (глаголом). Напротив, в инфинитивных конструкциях синтаксическая вершина (локус маркирования синтаксических отношений) совпадает со смысловым ядром, а следовательно, к глаголу может присоединяться частица.

Другим типом контекстов являются грамматические преобразования: сочетания СА с пассивами и декаузативами. Пассивизация глаголов с СА представляет сложность потому, что не позволяет отличить безличный пассив от личного: сентенциальные актанты не имеют категорию падежа и не показывают непосредственно своего синтаксического статуса. Кроме того, ограничения на образование пассива не полностью диктуются переходностью глагола (которая является центральной характеристикой для образования пассива с именными актантами). И если ограничение на образование пассива от фазовых

глаголов (**было начато трубить*) объясняется огромной степенью слитности матричной и вложенной клаузы, то менее очевидно, почему различается приемлемость предложений *было решено выступить в четверг* vs. **было обещано выступить в четверг*. Нередко от глагола с СА образуется только один – либо причастный, либо возвратный – пассив, например, возможно **решается прийти* vs. *было решено прийти*.

Синтаксический контроль в данном случае не даёт объяснения: в случаях типа *решено* и *обещано* среди семантических актантов глагола есть Агенс, способный контролировать инфинитив. При этом до сих пор не ясно, в какой мере не выраженные актанты имеют контролирующие свойства и совпадает ли их объём с контролируемыми свойствами выраженных актантов. Возможно, играет роль конкуренция возможных контролёров: если глагол *решить* не имеет актантов, кроме Агенса и СА, то *обещать* имеет три актанта: Агенс, Адресат и СА. И хотя Адресат не способен к контролю в силу того, что контроль при *обещать* субъектный, в то же время невозможен и контроль со стороны невыраженного Агенса – его блокирует выраженный Адресат.

Другие ограничения на СА объясняются отсутствием у них согласовательных категорий и / или падежа: в частности, невозможны согласованные причастия и прилагательные; согласование по множественному числу с сочинёнными сентенциальными актантами. Для причастий и прилагательных более или менее ясно, что невозможность их контролировать связана с отсутствием падежа и числа. Несколько менее понятно, почему невозможны деепричастия (казалось бы, они не задействуют согласования, а значит, не требуют согласовательных категорий). Вспомним, однако, что при деепричастиях в нормативном русском действует жёсткое ограничение на именительный падеж контролёра – видимо, категория падежа существенна и здесь.

Также отсутствием категории падежа следует объяснять невозможность номинализации переходных глаголов с СА по стандартному образцу: GEN исходного объекта + субъектный INS. Инструменталь А возможен только тогда, когда другой актант маркируется генитивом – именно поэтому при отсутствии падежа у объекта невозможен и INS.

Даже при невыраженном А сентенциальный актант при номинализации ведёт себя весьма прихотливо. Имена близкой семантики ведут себя по-разному относительно того, может ли при них сохраняться СА, с которым сочетается исходный глагол или предикатив. Так, имена *важность* или *странность* не принимают сентенциальных актантов, а *необходимость* или *возможность* с ним сочетаются. Все эти существительные образованы от предикативов свойства с модальным компонентом *возможно*, *странно*, *необходимо*, *важно*. Ограничения на СА при номинализации изучались в западной лингвистике ещё начиная с работы Стоуэлла (1981), затем в работах К. Лемана (1983), Дж. Гримшо (1990), Р. Кейна (2008), М.Ю. Князева (2014)¹³ и др. Среди предлагаемых признаков: 1) деление на Complex Event Nominals (имена, максимально близкие по свойствам к предикатам) и Result Nominals (имена, далёкие от предикатов) – Дж. Гримшо показывает, что Result Nominals в

¹³ Lehmann, Christian 1984: Der Relativsatz (Typologie seiner Strukturen. Theorie seiner Funktionen. Kompendium seiner Grammatik). Tübingen: Narr.

Grimshaw, Jane. Argument structure. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.

Kayne, Richard. 2008. Antisymmetry and the lexicon. Linguistic Variation Yearbook. Vol. 8. Pp. 1–31. DOI: <https://doi.org/10.1075/livy.8.01kay>.

Knyazev, Misha. 2014. Structural licensing of sentential complements: evidence from Russian noun-complement constructions. Avram L. (ed.). Bucharest working papers in linguistics 2. Bucharest University Press. P. 21–45.

Cinque, Guglielmo, & Iliyana Krapova. 2016. On noun clausal “complements” and their non-unitary nature. Annali di Ca’ Foscari. Serie occidentale 50. 77-107.

большой мере склонны иметь зависимые клаузы; 2) деление на имена, при которых зависимые являются актантами vs. модификаторами (сентенциальные актанты при именах на самом деле чаще всего являются модификаторами); 3) деление на имена, при которых зависимая клауза имеет семантическую роль Содержания (*открытие, что Земля имеет форму шара*) vs. другую семантическую роль (*любовь к долгим рассказам*). Мы показываем, что ни один из предложенных параметров не может объяснить всей пестроты наблюдаемой картины. Так, при многих вершинных именах сентенциальные актанты занимают позицию модификатора, а не актанта (например, они заменяются на анафорическое местоимение *этот*, вопросительное *какой*, а кроме того, участвуют в связочных конструкциях типа *Его вопрос был / состоял в том, как эти организмы размножаются*). Однако это верно не для всех номинализаций – например, вершина *доказательство* (*доказательством, что эти существа размножаются половым путём, послужило строение их тела*) таких свойств не демонстрирует. Точно так же неверно, что при всех вершинных именах сентенциальный актант выражает содержание свойства, когнитивной или эмоциональной операции: СА при слове *доказательство* имеет роль не содержания, а собственно доказываемого утверждения. Отчасти релевантен параметр проспективности (ирреальности) и ретроспективности (например, имена эмоций с реальным зависимым типа *любовь* или *грусть* часто не сочетаются с СА). Однако и здесь есть исключения.

Для некоторых случаев, где ни один из предложенных ранее параметров не пригоден, мы выдвинули новый параметр – кванторный тип ситуации. Имена ситуаций могут обозначать как неопределённое количество ситуаций (например, *убийство собак* – возможно, однократное или многократное убийство в разное время), так и однократную реализацию (*убийство* (без дополнения) – это однократный акт. Как правило, именно однократную реализацию выражают имена, имеющие сентенциальные актанты. Например, *Возможность поехать на стажировку* – это конкретная однократная возможность, а для обозначения множественности ситуации используется множественное число *возможности*. Точно так же слово *открытие* с именными аргументами может выражать неопределённое количество ситуаций (*открытие новых законов физики продолжилось в первой половине XX в.*). Однако с сентенциальным актантом вершинное имя выражает однократную реализацию (например, конструкция *открытие, что все планеты имеют форму шаров* может обозначать только единое открытие, но не ряд последовательных открытий).

В рамках той же проблематики решается вопрос о синтаксической иерархии сентенциальных актантов. Во многих работах описание СА того или иного предиката как синтаксического субъекта, прямого или непрямого объекта мотивировано просто аналогией с именными актантами. Иначе говоря, мы считаем, что в конструкции *Я не люблю, когда мне лезут в душу* сентенциальный актант занимает позицию ДО просто потому, что эту позицию занимают объектные ИГ в предложениях *Маша не любит Васю* или *Я люблю яблоки*. Неявно принимается презумпция, что актантная структура предиката не меняется в зависимости от класса актанта и типа его вершины.

Исследование СА, аналогичных подлежащему, показывает, что подлежащих свойств у них немного. В частности, невозможно согласование с сочинённой группой (**Мне понравились плавать и нырять*), возможное в адыгейском языке и маргинально – в английском (McCloskey 1991, Davies & Dubinsky 2009¹⁴). Больше того, сомнительны

¹⁴ McCloskey, John. 1991. There, it, and agreement. *Linguistic Inquiry* 22:563–567.

Davies, William, and Stanley Dubinsky. 2009. On the existence (and distribution) of sentential subjects. In

структуры типа ?*Понравиться там жить / жить там могло только идиоту* или *Кому там жить может понравиться*, аналогичное *Понравиться эта песня могла только идиоту*. Одни из немногих критериев СА-подлежащего – это:

- 1) Маргинальное сочинение сентенциального и именного подлежащих
- 2) Возможность контроля плавающего определителя *сам по себе, сам собой*

Точно так же проблематично определение сентенциального актанта как прямого дополнения. В русском языке есть два надёжных критерия прямого дополнения: аккузативное маркирование и возможность продвижения в субъектную позицию при пассиве. Как было показано выше, пассивизация глаголов с сентенциальными дополнениями сильно ограничена, в том числе в силу индивидуальных лексических свойств глаголов. Кроме того, не очевидно, является ли сентенциальный актант подлежащим пассивной конструкции типа *Было сказано, что надо выходить*. Возможно, речь идёт о безличной пассивной конструкции типа *В статье намекалось на необъективность арбитра*. Проблема могла быть решена с помощью теста на сочинение: если сентенциальные актанты могут сочиняться с номинативными именными актантами пассива, это означает, что они, по-видимому, являются субъектами. Однако такие сочинительные конструкции находятся на грани приемлемости (ср. ??*В статье указывалось, что арбитр был необъективен и много чего ещё*).

Градуальным признаком является возможность выноса в начальную позицию: она, по данным опроса информантов, невозможна для непрямых дополнений (**Что Серёжа приехал, никто не удивился*) и возможна для подлежащих и прямых дополнений (*Что Серёжа приехал, никого не удивило*).

Особую позицию, видимо, занимает сентенциальный актант при связочных предикатах. Как известно, структуры типа *Вася был инженером* или *Арташес был хороший человек* вообще представляют проблему для синтаксической теории. Поскольку семантически их два аргумента крайне сходны, определение синтаксических отношений в таких конструкциях лишено почвы в виде семантических ролей. Е.В. Падучева и В. Успенский (1979/2002)¹⁵ предлагают тесты на статус подлежащего, однако эти тесты в большой мере зависят от таких семантических противопоставлений, как «постоянное / переменное свойство». В этой связи не очевидно, какую позицию занимает СА в случаях вида *Главное не замёрзнуть*, *Моим долгом было выпить за юбиляра* и др. (специфика связочных конструкций показана также в статье Тестелец 2008¹⁶). Кроме того, поведение СА в связочных конструкциях отличается от поведения ИГ. Известно, что биноминативная конструкция с выраженным связочным глаголом не характерна для современного русского языка. Это верно и для конструкций с абстрактными существительными типа *долг* (*Его обязанностью / *обязанность был / *его обязанность была сбор информации*). Однако при сентенциальном актанте абстрактное имя может находиться в номинативе: *Его обязанность была собирать информацию*. Данное различие показывает, что для

Hypothesis A/hypothesis B: Linguistic explorations in honor of David M. Perlmutter, ed. Donna B. Gerds, John C. Moore, and Maria Polinsky. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. Pp. 111–128.

¹⁵ Падучева Е.В., Успенский В.А. Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // Успенский В.А. Труды по нематематике. М: ОГИ. Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 38. 1979. С. 349–360 (Переизд.: М.: 2002).

¹⁶ Тестелец Я.Г. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке // Розина Р.И., Кустова Г.И. (Ред.) Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой. М.: Языки славянских культур. 2008. С. 773–789.

синтаксического поведения СА, помимо собственно позиции, релевантны морфологические свойства. Сентенциальный актанта делает допустимым номинатив потому, что сам не маркирован падежом – тем самым, не возникает нежелательной ситуации, где два актанта одного глагола маркированы одним падежом.

В главе 5 рассматривается проблема связи грамматических свойств и грамматических значений главной и зависимой предикаций. Эта область лежит на стыке грамматики и нежёстких семантико-прагматических связей между ситуациями / предикациями. Ранее, как правило, взаимодействие грамматических значений предикаций рассматривалось в двух перспективах. Во-первых, многократно отмечалось, что главный глагол может управлять подчинённой предикацией в том же смысле, в котором вершина управляет именным зависимым, то есть определять грамматические значения категорий, которые имеет зависимое, и выбор маркеров зависимости (например, предлогов). Для клауз это означает, что главный глагол может определять форму вида, времени и наклонения зависимого (например, задавать форму инфинитива или л-форму для подчинённого глагола) и выбор союза – маркера подчинения клауз.

Во-вторых, несколько меньше, но всё-таки подвергался исследованию вопрос о статистической зависимости между формами клауз. Это касалось, прежде всего, двух конкретных случаев: 1) влияния отрицания на союз и форму подчинённого глагола и 2) влияния различных факторов на выбор финитной формы vs. инфинитива.

В нашей работе мы расширили круг типов зависимости, привлекаемых для анализа. В частности, оказалось, что в русском языке может наблюдаться морфосинтаксическое дублирование – жёсткая зависимость между формами, не сводящаяся, однако, к каноническим понятиям управления и согласования. Речь идёт о конструкциях типа *Начни с того, что позвони шефу* или *Я же не занимаюсь тем, что пишу книги*. В этих конструкциях формы матричного и зависимого предикатов обязательно совпадают – при их расхождении получается неграмматичная или сомнительная структура (**Я начну с того, что позвонить шефу, ?Я буду заниматься тем, что пишу книги*). При этом сформулировать правило в терминах стандартного управления нельзя: требование заключается не в том, что подчинённый предикат должен быть в той или иной конкретной форме, а именно в совпадении форм. Данная конструкция сильно ограничена классом главного предиката. В основном, это имплицативные глаголы (*начать*), реже – фактивные (*обрадовать*). Однако ещё более важно, что почти всегда главный глагол не вполне автономен семантически. В некоторых случаях, таких как *начать*, они обозначают фазу семантически основной ситуации, в других (*заниматься / заняться, дойти (до того что), ограничиться*) характеризуют основную ситуацию: например, как некоторое значимое времяпрепровождение или, наоборот, как нечто малозначимое (*ограничиться*).

При этом существенно, какая именно форма дублируется. Самый существенный случай – дублирование императива (*Начни с того, что позвони шефу*). Стандартно императив считается своего рода явлением главной клаузы (main clause phenomenon), плохо допускающим транспозицию в подчинённую. Если это всё-таки происходит, то либо речь идёт о смещённом употреблении (например, условном – *Уродись я с такую мордою, я б надел на неё штаны*), либо конструкция относится к просторечному регистру (*А он мне говорит, что бери вещи и вали*). Напротив, конструкции с дублированием не обнаруживают ни семантической маркированности, ни отклонения от стандарта императивной семантики. Конструкции с инфинитивом не столь нестандартны, однако тоже обнаруживают отклонения от стандартных стратегий. Союз *что* не может задавать инфинитив – он

допустим обычно только при финитной форме, а значит, состинфинитив навязывается сверху путём дублирования. Напротив, сослагательное наклонение при *что* допустимо (*Петя сказал мне, что пришёл бы на мой доклад, если бы не его жена*). Однако конструкции с *что* и сослагательным наклонением лишней показывают, что даже на синхронном уровне свободная комбинация *что + бы* и союз *чтобы* – это не одна и та же единица. При глаголе начать (*с того*) возможен и союз *чтобы*, и комбинация *что + бы*, однако их условия употребления различаются. *Чтобы* употребляется с инфинитивом, а *что + бы* – это результат дублирования сослагательного наклонения из главной клаузы:

Я бы начал с того, что заявил бы о своих претензиях.

Надо начать с того, чтобы заявить о своих претензиях.

Наконец, самый сложный случай представляют употребления изъявительного наклонения типа *Он начал с того, что заявил о своих претензиях*. Вероятно, и здесь можно говорить о дублировании, поскольку, например, при настоящем историческом в главной клаузе оно же должно быть и в подчинённой:

*Он начинает с того, что заявляет / *заявил о своих претензиях.*

Класс конструкций дублирования с *то, что* также обнаруживает неоднородность при сочетании с отрицанием. Отрицанию не могут подвергаться конструкции с императивом, и могут все остальные:

**Не начинай с того, что всех обливай грязью.*

Не надо начинать с того, что всех обливать грязью.

Я же не занимаюсь постоянно тем, что ищу ему невесту.

Явления морфологического дублирования и его аналоги встречаются и за пределами конструкций с сентенциальными актантами. Ср., например, поведение сравнительных конструкций:

А может, мне, как Глеб, уехать в деревню?

А может, мне, как Глебу, уехать в деревню?

В первом случае именительный падеж *Глеб* – это просто результат эллипсиса глагола (*А может, мне, [как сделал Глеб], уехать в деревню*). Дательный же падеж во втором случае, скорее всего, получен путём дублирования падежа от объекта сравнения *мне* к стандарту сравнения *Глебу*.

Ненормативное дублирование возникает в триклаузальных конструкциях, где вторая клауза вводится союзом *чтобы*: *Я хочу, чтобы когда я входил домой, меня встречала жена*. Здесь в третьей клаузе нет единицы, лицензирующей *л*-форму. Можно говорить о том, что форма *входил* копируется с формы сказуемого *С2 встречала*. Правда, возможна и другая трактовка, согласно которой здесь речь идёт не о дублировании, а о распространении управления союза *чтобы* на две клаузы.

Как дублирование можно рассматривать уподобление по одушевлённости в конструкциях переспроса типа – *Ты его купил? – Кого его (??Что его)*. Местоимения *кого / что* и *его*, по-видимому, не составляют единой ИГ – оба они являются субстантивами. Скорее речь идёт о том, что в близком контексте (особенно при кореферентности) нежелательно расхождение

между синтаксическими единицами по одушевлённости, даже если оно вытекает из их лексических свойств.

Тем не менее, взаимозависимость между характеристиками клауз не исчерпывается дублированием. Например, для свойств подчинённой клаузы релевантно наклонение главной: особыми свойствами обладают конструкции с императивными матричными клаузами:

- 1) Выражение субъекта подчинённой клаузы в конструкции с субъектным контролем более вероятно, поскольку не возникает двойного выражения одного референта.
- 2) Выражение субъекта подчинённой клаузы в конструкции с объектным контролем менее вероятно. По-видимому, две клаузы уподобляются по степени эксплицитности и выраженности субъекта.
- 3) Клаузы, подчинённые императивным конструкциям, короче, чем подчинённые индикативным – вероятно, в силу общей тенденции императивных конструкций к краткости.
- 4) В некоторых случаях эти тенденции выражаются в том, что конструкции с опущением субъекта, грамматичны при императивной матричной клаузе, неграмматичны при индикативной:

Скажи, чтобы позвонил мне.

??Я скажу, чтобы позвонил тебе / тебе позвонил.

Весьма разнообразны случаи влияния на зависимую клаузу полярности главной. В частности, помимо случаев, когда отрицание приводит к замене *что* на *чтобы*, есть и другие. Например, при некоторых глаголах набор стратегий при отрицании не меняется, но их соотношение становится другим. При проспективных предикатах *бояться* и *надеяться* инфинитив составляет большую долю (по сравнению с финитными клаузами со *что*) при отрицании, чем без него. При фактивном глаголе *нравиться* и предикативе *приятно*, напротив, отрицание делает инфинитив менее вероятным. Это показывает, что распределение стратегий напрямую зависит от семантики предиката: отрицание фактивных предикатов только увеличивает вероятность конкретной реальной интерпретации, а значит, употребления *что*. Напротив, отрицание проспективных предикатов увеличивает вероятность ирреальной интерпретации, при которой подчинённое событие вообще не имеет и не будет иметь места – следовательно, облегчается употребление инфинитива. При глаголе *привыкнуть* отрицание главного глагола меняет оценку, связанную с союзом *чтобы*: без отрицания *чтобы* связано с положительно оцениваемыми ситуациями (*Я привык, чтобы меня уважали*), с отрицанием – скорее с отрицательно оцениваемыми (*Я не привык, чтобы ко мне так относились*).

Ещё один аспект взаимодействия полярности со свойствами подчинённой клаузы – так называемое «согласование по полярности». Класс «слабо ирреальных» предикатов, для которых более вероятно неверность подчинённой ситуации, чем её верность, легче присоединяет клаузу со *что*, находясь под отрицанием (*Я не сомневаюсь, что он в этом участвовал*). Напротив, класс «слабо реальных» предикатов типа *признавать*, *доказывать*, предполагающих верность подчинённой ситуации, чаще присоединяет *что* без отрицания (*Преступник признал, что участвовал в ограблении*), чем с отрицанием (*Преступник не признал, что участвовал в ограблении*).

Эти зависимости носят, безусловно, слабый характер: ни при отрицании, ни без отрицания мы не обнаруживаем пропусков в системе, неграмматичных стратегий. Однако они позволяют выявить особенности взаимодействия матричных предикатов с отрицанием:

- 1) Отрицание связано с матричным предикатом теснее, чем матричный предикат с сентенциальным актантом – имеет место конфигурация типа [[не [P]] Q], а не [не [P [Q]]], где P – матричный предикат, а Q – сентенциальный актант.
- 2) Даже показатели типа *что*, обладающие крайне слабыми ограничениями на употребление, тем не менее подпадают под некоторые тенденции, связанные с полярностью и реальностью ситуации. В частности, «согласование по полярности» показывает, что для *что* более характерно обозначать реальные ситуации, чем ирреальные.

Глава 6 посвящена триклаузальным конструкциям, при этом рассматривается только та их разновидность, где три клаузы последовательно вложены друг в друга – C1 [C2 [C3]]. Триклаузальные конструкции, и особенно тип с последовательным вложением, важны для типологии полипредикации в нескольких аспектах. Во-первых, для современной лингвистики одной из важнейших является проблема рекурсии, получившая освещение на материале разноуровневых единиц и разноструктурных языков. Ещё на заре синтаксической теории бесспорным считался постулат о том, что ядерный класс синтаксических единиц рекурсивен: например, конструкции с относительными придаточными допускают потенциально бесконечное вложение друг в друга: *Человек, [который знает дворника, [который убирает двор, [в котором недавно посадили деревья, [которые лучше всего растут в местах, [которые характеризуются умеренным климатом]]]]], – это мой шурин Вася Пупкин.* Однако очевидно, что в реальной (письменной или тем более устной) коммуникации рекурсивные последовательности такой длины не встречаются. Более того, в последних работах Д. Эверетта содержится прямое утверждение о том, что грамматика языка пираха, распространённого в Бразилии, не допускает рекурсии. Хотя не подлежит сомнению, что в русских КСА рекурсия допускается (*Чик сказал, что его сумасшедший дядя думает, что он корова*), её точные механизмы действия описаны плохо.

Во-вторых, триклаузальные конструкции позволяют поставить вопрос о сочетаемости тех или иных стратегий подчинения в рамках одного предложения. Например, в конструкциях с сентенциальными актантами допускается и относительное, и абсолютное временное маркирование. Верно ли, что в триклаузальных конструкциях допускается их свободное комбинирование? Сводятся ли правила опущения субъекта триклаузальных конструкций к стандартным правилам опущения субъектов биклаузальных конструкций. Вообще, можно ли считать свойства триклаузальных конструкций суммой свойств двух биклаузальных – C1 [C2] и C2 [C3]?

Для анализа были взяты два типа конструкций: конструкции, где и C2 (вторая клауза), и C3 (третья клауза, наиболее глубоко вложенная) – сентенциальные актанты, и конструкции, где сентенциальному актанту C2 подчинён сентенциальный сирконстант C3. Можно утверждать, что последний вопрос о сводимости свойств триклаузальных конструкций к биклаузальным получает отрицательный ответ в обоих случаях.

В частности, ни для одного типа конструкций комбинирование стратегий маркирования времени в C2 и C3 не произвольно. Теоретически в каждом из подвидов возможны четыре типа маркирования:

Абсолютное в С2, абсолютное в С3
Абсолютное в С2, относительное в С3;
Относительное в С2, абсолютное в С3
Относительное в С2, относительное в С3

Если ориентироваться на свойства биклаузальных конструкций с сентенциальными актантами и сентенциальными сирконстантами, можно сделать следующий прогноз. В конструкциях с сентенциальными актантами будут возможны все четыре перечисленных варианта, поскольку СА допускают и абсолютное, и относительное временное маркирование. В конструкциях «СА + СС» будут возможны варианты 1) и 3): СА допускают оба варианта, а СС, в большинстве случаев, – только абсолютное маркирование. Однако ни одно предсказание не подтверждается.

Для конструкций СА + СС возможны варианты 1) и 4). Иначе говоря, нельзя, чтобы стратегия маркирования в двух клаузах различалась – либо время в обоих должно маркироваться абсолютно, либо относительно:

Я знал, что он вставал рано, потому что любил поработать до завтрака.

**Я знал, что он вставал рано, потому что любит поработать до завтрака.*

Я знал, что он встаёт рано, потому что любит поработать до завтрака.

**Я знал, что он встаёт рано, потому что любил поработать до завтрака.*

При этом нельзя считать, что «якорем» для маркирования времени в сентенциальном сирконстанте является событие в сентенциальном актанте. Это объясняло бы стратегию с двумя настоящими временами (форма в С3 *любит* обозначает одновременность с ситуацией в С2 *встаёт*), однако не объясняет стратегию с двумя прошедшими временами: форма *любил* там явно связывает ситуацию с моментом речи, а не с ситуацией в С2 или С1. То есть вопрос состоит не в том, привязаны ли ситуации в придаточных друг к другу, а именно в том, чтобы якорь для временного маркирования в них был один и тот же.

При этом можно сказать, что СС претерпевает своего рода ассимиляцию с СА. Относительному маркированию не мешает то, что в норме СС требует именно абсолютного маркирования (см., однако, исключения в главе 1).

Конструкции с сентенциальными актантами допускают варианты 1, 2 и 4 и запрещают 3:

Я знал, что Пете казалось, что его обманывали.

Я знал, что Пете казалось, что его обманывают.

**Я знал, что Пете кажется, что его обманывали.*

Я знал, что Пете кажется, что его обманывают.

Допустимость варианта 2 показывает, что здесь ассимиляции по точке отсчёта нет. Это объяснимо: для сентенциальных актантов вообще характерно иметь точку отсчёта в максимально близкой клаузе, поскольку тесно интегрированы в структуру матричной клаузы. В этой ситуации неважно, какой «якорь» маркирования имеет сама матричная клауза.

Тем самым, невозможность варианта 3 тоже нельзя объяснить просто различием между «якорями» маркирования или абсолютным / относительным маркированием. Скорее объяснение связано с взаимным расположением клауз и точек отсчёта:

Момент речи [ГЛАВНОЕ: *знал* [1-е ПРИДАТОЧНОЕ: *кажется* [2-е придаточное: *обманывали*]]]

Иначе говоря, относительное маркирование в С2 делает клаузу своего рода «островом» для дальнейшего выбора маркирования. Маркирование в С3 не может иметь «якорь» выше, чем якорь С2. В третьем варианте это условие нарушается.

Материал морфологического дублирования и триклаузальных конструкций позволяет также сделать вывод о факторах абсолютного маркирования времени. Неожиданным образом, оказывается, то абсолютное маркирование наблюдается в двух, противоположных, типах конфигураций. С одной стороны, абсолютное время в зависимых клаузах показывает, что клауза мало интегрирована в структуру главной предикации, время маркируется в ней автономно и отсчитывается от момента речи. С другой стороны, абсолютное время наблюдается в конструкциях с морфологическим дублированием (*Я начну с того, что скажу...*) и полувспомогательными глаголами (*Случилось так, что мы зашли в один бар; Так сложилось, что работу я так и не написал*) – в этой ситуации форма зависимого предиката дублирует форму главного и как раз обозначает высокую степень слитности. Если первый случай находится близко к независимому предложению, то второй сближается с сериальными конструкциями или предложениями с «лёгкими глаголами».

Другой тип триклаузальных конструкций – структуры, где С2 содержит инфинитив или конструкцию со *чтобы*, а С3 – обстоятельственное предложение. В этом случае время в С3 тоже ведёт себя нестандартно. Во-первых, доступны две абсолютных интерпретации (относительно момента речи и С1), а во-вторых, становится возможной относительная интерпретация (*Вася хотел, чтобы ему всегда аплодировали, когда он выходит на сцену*).

Глава 7 – это локальное исследование (case-study) одного из разрядов русских слов – предикативов типа *хорошо* или *холодно* (*Хорошо, что он приехал; На улице сейчас есть холодно*). Особым свойством этого разряда является отсутствие у них канонического (именного) подлежащего. У многих предикативов есть сентенциальный актанта, хотя это не обязательно: например, предикативы *плохо* и *хорошо* в значении физического ощущения не имеют сентенциального актанта – с сентенциальным актанта предложения *Мне плохо* и *Мне хорошо* получают другое прочтение или неграмматичны, ср. *Мне плохо туда ходить / что меня дразнят*. Вопрос заключается в том, насколько можно ли считать, что наличие сентенциального актанта делает предикативы особым разрядом слов, автономным от наречий и прилагательных.

Оказывается, что предикативы не являются единым классом не только с семантической, но и с синтаксической точки зрения. В частности, только у некоторых из них сентенциальные актанта являются подлежащими. Для других, а именно для предикативов физического ощущения типа *холодно*, СА является скорее дополнением. Для выявления статуса сентенциального актанта было предложено два теста: конструкции с местоимением *это* и конструкции с полувспомогательными глаголами типа *считать* и *казаться*. С предикативами физического ощущения оба теста дают отрицательный результат:

невозможны и это (*Мне холодно стоять на остановке, и Пете это тоже холодно), и полувспомогательные глаголы (*Я считал холодным стоять на остановке, *Мне казалось холодно / холодным стоять на остановке). Напротив, для предикативов психологического ощущения или (с оговорками) оценки оба теста дают положительный результат (Мне приятно с тобой разговаривать, и моей жене это тоже приятно; Мне казалось приятным / я считал приятным с ним разговаривать). Тем не менее, у некоторых предикативов свойства не предсказываются в полной мере из семантического класса: например, предикативы *плохо* и *хорошо* ведёт себя не как *приятно*, а скорее как бесподлежащие предикативы типа *холодно* (Мне хорошо было там стоять, и Пете это тоже было хорошо; Мне казалось / я считал плохим / хорошим хотя бы иногда приезжать к бабушке).

В то же время оказывается, что граница, проводимая по модели с сентенциальным актантом между предикативами и прилагательными, не такая уж жёсткая. Проблему, например, составляют конструкции типа Мне кажется важным это сказать. С одной стороны, форму важным привычнее относить не к предикативам, а к прилагательным - как правило, считается, что у предикативов нет полных склоняемых форм. С другой стороны, форма важным имеет сентенциальный актант, что для прилагательных нехарактерно.

Особую проблему составляет разграничение конструкций с предикативами, имеющими сентенциальный актант, и конструкций с нулевой связкой типа *Самое главное – чтобы автобус не перевернулся* или *Главное – не перепить*. Хотя в последнем случае используется полная форма прилагательного, не совпадающая с предикативом, это само по себе не является достаточным критерием: что если в конструкциях типа *Мне приятно, что ты пришёл* мы тоже имеем дело со связочной конструкцией, только с прилагательным? Два критерия, тем не менее, позволяют провести границу:

- 1) При полувспомогательных глаголах с сентенциальным субъектом предикатив не обязательно преобразуется в полную форму: *Мне казалось важно туда попасть*.
- 2) При полных прилагательных допускается конструкция со *чтобы* + инфинитивом, стандартно невозможная при предикативах и вообще крайне маргинальная в позиции сентенциального актанта:

Главное, чтобы не стать «маленькой, но очень гордой птичкой». Это значит, что какие бы технологии ни использовались, сайт всегда должен адекватно отображаться ... [Сергей Баричев. Надо выделяться товаром. Открываем представительство в Интернете (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.22]

Но это уже не так обидно — главное, чтобы не пострадать от своих! [Валерий Попов. Грибники ходят с ножами (1997)]

**Неприятно, чтобы ничего не добиться.*

?Хорошо бы, чтобы не пострадать.

Нарушение правила «при актантном *чтобы* не бывает инфинитива» при слове *главное* связано с тем, что инфинитив в связочных конструкциях (как, собственно, и в некоторых конструкциях с предикативами) имеет нереферентное прочтение (является ярлыком для обобщённого события), а не используется как показатель конструкции с контролем PRO. В этой связи замена последовательности «*чтобы* + л-форма» на инфинитив без союза не обязательна, возможно сочетание союза и инфинитива. С этим же связано то

Глава 8 описывает линейный порядок – как сентенциального актанта относительно главного предложения, так и внутри сентенциального актанта. Положение СА

подтверждает выводы работы К. Шмидтке-Бодде и Х. Дисселя (2017)¹⁷, согласно которым нефинитные сентенциальные актанты гораздо подвижнее финитных. Это связано с 1) большей интеграцией инфинитивных конструкций в состав главных и 2) большим набором функциональных проекций, которые имеют финитные зависимые. Во-первых, поскольку инфинитивные конструкции сильно интегрированы в главные, их линейное расположение неважно для распознавания структуры. Во-вторых, передвижение сентенциальных актантов требует передвижения более структурно тяжёлого зависимого.

В то же время внутри класса финитных зависимых наблюдаются существенные различия в возможностях линейного расположения. Так, легко могут располагаться перед главной клаузой косвенные вопросы, возможно начальное расположение для зависимых с союзами *что*, *как* непосредственного восприятия и практически невозможно для актантов со *чтобы*, *если*, *когда*.

Косвенные вопросы могут находиться в начале по той причине, что структурно полностью аналогичны прямым вопросительным конструкциям. Прямые вопросы обычно начинаются с вопросительного слова, и эта возможность наследуется и косвенными вопросами. Запрет на начальное расположение связан, в первую очередь, с тем, что соответствующие маркеры могут вводить и обстоятельственные клаузы – иначе говоря, функция этого запрета состоит в различении обстоятельственных и актантных употреблений *чтобы*, *когда* и *если*. Можно объяснить его и по-другому: примеры типа *Чтобы он приехал, я не хочу* отклоняются от стандартных целевых конструкций типа *Чтобы он приехал, я купил ему билет* неполнотой второй части *я не хочу*. Если считать, что критерий грамматичности наследуется от целевого употребления *чтобы*, то получается, что актантная конструкция в начале предложения его не проходит. Напротив, в конструкции *Я не хочу, чтобы он приехал* такой проблемы не возникает: матричная клауза возникает вначале и сразу блокирует обстоятельственное прочтение и делает возможным актантное. Так же обстоит дело с запрещёнными предложениями вида *Если бы он выиграл, меня бы удивило*.

В **главе 9** обсуждаются разные типы эллипсиса в конструкциях с сентенциальными актантами: эллипсис субъекта главной клаузы, субъекта зависимой клаузы и объекта зависимой клаузы. Все они регулируются разными факторами. Опущение субъекта зависимой клаузы связано, в частности:

- 1) Со степенью его тематичности.
- 2) С наличием / отсутствием выраженного глагола (предложения типа *Я понял, что дурак сомнительны*)
- 3) С требованиями союза. Так, при союзе *что* опущение субъекта зависимой клаузы легко допускается, а при союзе *когда* сомнительно (ср. *?Я не люблю, когда падаю в лужи*)

Опущение объекта зависимой клаузы, как говорилось выше, более приемлемо в финитных клаузах, чем в нефинитных (*Петя обещал Васе, что поведёт в музей* лучше, чем *Петя обещал Васе поведи в музей*). В этом смысле данный тип эллипсиса похож на анафорические местоимения (прономиналы). Как известно, для прономиналов, в отличие от анафоров, желательно, чтобы структурное расстояние между антецедентом и местоимением было довольно большим. Если описывать эллипсис тем же способом, оказывается, что самое большое структурное расстояние возникает, если эллипсис

¹⁷ Schmidtke-Bode, Karsten & Holger Diessel. 2017. Cross-linguistic patterns in the structure, function, and position of (object) complement clauses. *Linguistics* 55(1): 1–38.

находится в обстоятельственном придаточном, а самое – малое – если эллипсису подвергается группа в инфинитивном обороте.

Менее понятно, чем обусловлена (не)допустимость эллипсиса субъекта главной клаузы. Этот вопрос представляет перспективу для следующих исследований, хотя мы предлагаем некоторые соображения.

В связи с предикативами, но не только на их материале, в **главе 10** рассматривается проблема несинтаксических (в частности, вообще неструктурных, например, дискурсивных) ограничений на синтаксические процессы. Спорадически они применялись для анализа русских грамматических явлений, однако в целом научная парадигма, связанная с анализом синтаксической структуры, отделена от исследований неструктурных явлений, и в частности тяжести составляющих. В этом смысле материал сентенциальных актантов очень полезен, поскольку некоторые свойства таких актантов явно диктуются их тяжестью (в частности, согласно исследованию Diessel & Schmidtke-Bode 2017, финитные сентенциальные актанты в субъектной позиции демонстрируют очень сильную склонность к конечной позиции, в целом не слишком характерной для субъектов). Оказывается, что во многих случаях на свойства составляющих так или иначе влияет относительная тяжесть:

- 1) Одиночный предикатив не склонен занимать конечную позицию после зависящей от него обстоятельственной клаузы:

Когда мы приезжаем в Адыгею, жарко.

- 2) При одиночном предикативе Экспериенцер обычно не выступает в сочетании с предлогом *для* (за исключением контекстов эллипсиса ранее упомянутого Места):

**Для меня жарко (ср. возможный пример с эллипсисом Для моей жены тут нормально, а для меня ~~тут~~ жарко).*

- 3) При отсутствии у предикативов каких-либо зависимых невозможны или сомнительны наречия повторяемости и постоянной ситуации (при этом стандартные наречия временной локализации возможны):

Сегодня жарко.

??Всегда жарко / каждый день жарко / постоянно жарко.

Причины этих ограничений разнообразны: во-первых, играет роль дейктическое vs. не дейктическое прочтение, которое зависит от контекста. Например, предложения типа *сегодня жарко* приемлемы, поскольку наречие *сегодня* задаёт дейктическую интерпретацию, а далее та же интерпретация захватывает и локативный аргумент. Напротив, наречия повторяемости не дейктичны, следовательно, у невыраженного локативного аргумента отсутствует подходящая интерпретация (нормальным было бы *Здесь всегда жарко*). Во-вторых, существенны синтаксические ограничения на степень эксплицитности клауз. Например, предложение *Когда я вчера проснулся, был весь красный* несколько лучше предыдущего в силу того, что в обеих клаузах выражен предикат. В структуре с предикативом в главной клаузе не выражен не только Экспериенцер, но и предикат, следовательно, разница в эксплицитности между клаузами слишком велика.

Иногда длина клаузы релевантна и для выбора грамматических свойств сентенциального актанта. Например, при глаголе *привыкнуть*, допускающем и инфинитив, и зависимое со

что при совпадении главного и зависимого подлежащих, финитное зависимое с абсолютным временем сомнительно, если зависимая клауза короткая:

??Он привык, что болел.

Однако если клауза длиннее, финитное зависимое допустимо:

Он привык, что всё время чем-то болеет / болел.

Среди других ограничений, не связанных непосредственно с синтаксической структурой – наличие фонетических швов, часто проявляющихся в наличии паузы (а на письме – в особой пунктуации, например, в выборе двоеточия вместо запятой). В некоторых случаях модели, не допустимые без паузации, допустимы, если между вершиной и сентенциальным зависимым стоит пауза (в письменном тексте – тире или двоеточие):

— Когда сошьешь рюкзаки, — сказала тетя Дуся, — сразу будет ясность: что брать, что нет. [В. Ф. Панова. Валя (1959)]

(ср. сомнительное *сразу будет ясность, что брать, а что нет*).

С помощью ограничений, связанных с паузой, можно трактовать некоторые аспекты поведения сентенциальных актантов при отглагольных именах. М.Ю. Князев (2014)¹⁸ показал, что ряд отглагольных имён способны иметь СА только или предпочтительно тогда, когда находятся в предикатной или рематичной позиции (например, *У нас было доказательство, что Иванов виновен*). Однако можно в свете полученных данных считать, что речь идёт о паузе между именной вершиной и сентенциальным зависимым. Рематичная позиция позволяет поставить паузу между словом *доказательство* и СА *что Иванов виновен*. В тематичной актантной позиции типа ??*Доказательство, что Иванов виновен, не обсуждалось* ИГ, возглавляемая словом *доказательство*, произносится стандартно без паузы.

По-видимому, релевантность паузы связана с тем, что связь между вершиной и сентенциальным зависимым отличается по своей природе от связи между вершиной и именным падежно маркированным зависимым. Сентенциальный актант менее тесно связан с вершиной, и в связи с этим ограничения, налагаемые на него, могут быть смягчены или сняты при его дистантной позиции по отношению к вершине или паузе между ними. Возможно, в некоторых из этих случаев следует считать, что синтаксически сентенциальная составляющая с вершиной не связана, а только семантически интерпретируется как связанная с этой вершиной (эта интерпретация напрашивается для приведённых выше случаев типа – *Что ты выяснил? – Генерал здесь ни при чём*, где пропозиция *Генерал здесь ни при чём* не оформлена синтаксически как зависимое вершины *выяснить*).

Фактор, который близок к синтаксическим, однако в полной мере синтаксическим не является, – наличие именного зависимого, дублирующего в полной или неполной мере сентенциальное. Например, при глаголе *избегать* сентенциальные зависимые появляются редко (*избегать выходить на улицу* несколько хуже, чем *стараться не выходить на улицу* или *избегать прогулок*). Однако их появление облегчается, если ранее имеется местоименная единица, реферирующая к той же ситуации:

Единственное, чего я избегаю - так это носить этот блеск с вещами в тон.

??*Я избегаю носить этот блеск с вещами в тон.*

¹⁸ Knyazev, Misha. 2014. Structural licensing of sentential complements: evidence from Russian noun-complement constructions. Avram L. (ed.). Bucharest working papers in linguistics 2. Bucharest University Press. P. 21–45.

А вот чего надо избегать, так это: молодиться без меры, часто вспоминать о своих прошлых романах, всю жизнь посвятить внукам. (<https://zen.yandex.ru › media>)

**Надо избегать всю жизнь посвятить внукам.*

Я всё там отразил: что Вася приходит на работу пьяный, что он всех оскорбляет.

??Я отразил там, что Вася приходит на работу пьяный.

Ср. также выше о глаголах типа *осуждать*, где сентенциальные актанты преимущественно появляются, если в предложении есть именной актант с той же семантической ролью.

Ещё одним релевантным фактором является выраженность вершины подчинённой клаузы. Например, как правило, при глаголе *стараться* при совпадении субъектов главной и зависимой клауз стандартно выбирается инфинитив:

Постараюсь отсутствовать / ??чтобы я отсутствовал не очень долго.

Однако если зависимый предикат был выражен ранее и в данном предложении подвергнут эллипсису, допустимо оформление зависимого союзом *чтобы*:

- Ты что, сидишь в сетях? - Да, у меня некоторое время не работал Снэпчат, и я должен кое-кому ответить. Я постараюсь, чтобы недолго. (<https://www.northug.net/t1338p25-topic#250197>)

Структурные факторы, не относящиеся к синтаксису, тоже релевантны для поведения сентенциальных актантов. В частности, к ним относится отсутствие падежа. Упомянутые выше связочные конструкции типа *Его задача была собирать информацию* в первую очередь возможны потому, что *СА собирать информацию* не маркирован падежом и не конфликтует с творительным падежом слова *задача*.

В Заключении излагаются основные выводы диссертации:

1. Клаузы в конструкциях с сентенциальным актантом тесно взаимодействуют между собой. Это взаимодействие носит самый разный характер и может быть как статистическим (тенденцией к употреблению одинаковых форм; тенденцией к употреблению разных форм в зависимости от полярности главной клаузы), так и грамматическим (управление, синтаксическое дублирование).
2. Синтаксическое дублирование занимает промежуточное место между управлением и стратегиями высокой связности с единым локусом маркирования видовременных категорий типа сериализации или сложного глагола.
3. Стратегии управления сентенциальным актантом разнообразны и диктуются не только семантикой матричного предиката, но и контекстом, в частности, отношения главной (и зависимой) ситуации к реальности.
4. Поведение различных типов сентенциальных актантов (возможность выноса в начальную позицию, опущения актантов и т.д.) существенно различаются. Нередко они связаны с сохранением исходных свойств: для косвенного вопроса – аналогией с независимыми вопросами, для актантных употреблений *когда* и *если* – сохранением свойств исходных конструкций и т.д.
5. При наличии в предложении двух вложенных друг в друга придаточных конструкция не является полностью рекурсивной – некоторые аспекты поведения триклаузальных конструкций объясняются только с учётом наличия всех трёх клауз, а не двух цепочек из двух. В частности, различается степень «прозрачности» конструкций – в некоторых случаях требования и характеристики из главной клаузы проникают не только во вторую, но и в третью, в других случаях влияние ограничивается второй клаузой.

6. Для КСА особое значение имеют неструктурные параметры – тождество формальных характеристик, тяжесть / синтаксическая сложность СА, линейное расположение. Это связано с двойкой природой СА – они сочетают свойства глагольного аргумента и предикации. В частности, эти характеристики важны для описания номинализаций, предикативов и их зависимых, взаимоотношений сентенциального актанта с именным(и) и др.
7. Ограничения на присоединение сентенциальных актантов имеют различную природу: часть связана с семантическими факторами, другие – с ограничениями на синтаксическую позицию, третьи – со специфическими (в том числе историческими) свойствами актантов. При этом крайне мало запретов объясняются напрямую невозможностью ситуативного участника – как правило, такой участник семантически возможен.
8. Точно так же не вытекают напрямую из семантики ограничения на присоединение сентенциальных актантов определённых типов. Нельзя сказать, что запрет на некоторую стратегию (например, союз *что* при глаголах изображения) вытекает из её несочетаемости с семантикой предиката. Скорее набор доступных стратегий является результатом грамматикализации – и более редкие модели могут становиться неграмматичными. В частности, результатом грамматикализации может становиться сочетаемость некоторого матричного глагола с инфинитивом – и наоборот, при глаголах, для которых употребление с сентенциальным зависимым не частотно, такой грамматикализации не происходит и инфинитив запрещён или сомнителен (ср. *добиваться, избегать*).
9. Отличительные особенности СА связаны с разными характеристиками: тяжестью, нестандартными характеристиками вершины (служебного слова), отсутствием категорий падежа и числа. Неожиданным образом, наличие категории падежа не всегда ведёт к синтаксическому поведению, характерному для именной группы – конструкции с местоимением *то*, сохраняющим именную падежную парадигму, не ведут себя как типичные ИГ. В случаях, когда главное значение имеет тяжесть (например, при выносе в начало), ближе всего к именным актантам себя ведёт инфинитив. Напротив, при падежно-ориентированных признаках (набор синтаксических позиций, номинализация и т.д.) инфинитив может вести себя менее прототипическим образом, чем финитные СА.
10. Сентенциальные актанты можно выстроить по шкале близости к именам vs. к финитным клаузам. Однако в действительности близость к именам клаузам – не одна, а несколько шкал. Одно и то же зависимое может быть в разной мере похоже на ИГ по разным признакам. Например, инфинитив по линейным свойствам и синтаксической тяжести близок к именным актантам, поскольку обычно не включает слишком много слов и не имеет финитных категорий. В частности, он легко допускает передвижение по предложению. С другой стороны, по критерию синтаксической позиции он отличается и от стандартных именных групп, и от финитных клауз (не может занимать позицию подлежащего при переходном глаголе, совершенно не допускает переходной модели номинализации).
11. В русском языке наблюдаются стратегии управления сентенциальными актантами, не сводимые к стандартным классификациям. Одна из них – двойное выражение, где сентенциальный актант дублируется именным, и наоборот. Другая – конструкции,

Кроме этого, диссертация включает два приложения. В Приложении 1 подытоживаются некоторые свойства (управление, синтаксические позиции) сентенциальных актантов, а Приложение 2 содержит типологическую анкету для изучения конструкций с сентенциальными актантами близкие к подъёму.

